Алексей ГОЛИЦЫН

ПЕРВОЕ ДЕЛО ХУДОЖНИКА ВАЛЕНТИНА ЮСТИЦКОГО

23 апреля 1937 года в Москве был арестован Валентин Юстицкий – живописец и график, сыгравший важную роль в художественной жизни послереволюционного Саратова. За день до ареста Юстицкий зашел в пивную, где, по версии чекистов, стал вести «контрреволюционную троцкистскую агитацию, высказывая при этом настроения террористического характера»[1]. Следствие длилось до июня 1937 года, художник вину не признал, несмотря на показания трех свидетелей. В августе суд приговорил Юстицкого к 10 годам лагерей.

Валентин Юстицкий участвовал в столичных выставках футуристов с 1916 года, но мэтром он стал в Саратове, куда в 1918 году он был командирован как представитель «пролетарского искусства». Здесь Юстицкий заведовал отделом изобразительных искусств местного Пролеткульта и преподавал живопись. В 1921 году художник стал профессором Высших государственных художественных мастерских. В 1923 году Юстицкий поступил преподавателем в Саратовский художественно-практический институт, переименованный затем в художественно-промышленный техникум.

Считалось, что до отъезда из Саратова в биографии Валентина Юстицкого были лишь творческие достижения. Однако в фондах Государственного архива новейшей истории Саратовской области сохранилось уголовное дело[2], заведенное на художника в относительно спокойном в политическом плане 1930 году.

23 апреля – по необъяснимому стечению обстоятельств в тот же день, что семь лет спустя – преподаватель живописи стал объектом внимания чекистов. Старший уполномоченный секретного отдела ОГПУ Подтынков[3] постановил произвести обыск и арест Валентина Юстицкого, который подозревался в «систематической антисоветской агитации против существующего строя». На следующий день художник был арестован в своей квартире по адресу: Гоголевская, 97, кв. 2. При обыске, который производили сотрудники ОГПУ Егоров и Николенко, а также понятая счетовод управления РУЖД Евгения Пономарева, ничего изъято не было. Обычно при обысках тех лет у подозреваемых по антисоветской статье забирали документы, личную переписку и запрещенные книги, однако в описи изъятого у Юстицкого содержится единственная запись «Ничего не обнаружено».

27 апреля Подтынков подписал постановление об избрании Юстицкому меры пресечения – содержание под стражей в саратовском изоляторе. Обвиняемый по-прежнему подозревался в «систематической антисоветской агитации против Соввласти» и в том, что «находясь на свободе, может помешать ведению следствия». Художнику вменялась статья 58-10 (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти).

На первый допрос Валентин Юстицкий был вызван лишь 28 апреля. В анкете, заполненной рукой Подтынкова, указаны год рождения художника – 1894-й и

---

[1] Цит. по: Валентин Юстицкий. Дело художника. Альбом. — Саратов, 2014.

[2] ГАНИСО. Ф. Р-6210. Оп. 2. Д. ОФ-1963.

[3] В дальнейшем Подтынков сменил место службы. В 1936 г. он входил в спецколлегию Саратовского краевого суда, осудившую за антисоветскую деятельность Пугачевского епископа Стефана (в миру Василия Илларионовича Виноградова (1866–1938)). См.: М.В. Фаст, Н.П. Фаст. Нарымская голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. – Томск, 2004. С. 124.

происхождение – «из мещан г. Петербурга, русский». После второго ареста Юстицкий сказал на допросе, что родился в 1892 г., однако, скорее всего, умышленно исказил эту информацию[4]. По какой причине художник неоднократно менял в документах год своего рождения, еще предстоит выяснить.

Далее в анкете следует образовательный ценз – «Высшее специальное художественное – окончил Виленское художественное училище». Об учебе в Париже подследственный не сообщил.

В графе «партийность и политические убеждения» записано «Беспартийный, убеждения имею коммунистические».

Дальнейшие сведения касаются биографии арестованного. Юстицкий указал, что до войны 1914 г. «в г. Вильне учился в художественном училище», с 1914 г. до февральской революции 1917 г. «в г. Москве и Ленинграде работал на художественных выставках», в февральской революции «в г. Москве, активного участия не принимал», с февральской до октябрьской революции «в Москве работал на художественных заказах», и октябрьскую революцию встретил «в г. Ленинграде, участия активного не принимал».

Далее Юстицкий «до 1918 г. работал в Агит”отделе Губвоенкомата, с 1918 г. в г. Саратове завед<овал> ИЗО пролеткульта до 1920 г., с 1920 г. в полит”отд<еле> Дон<ской> Обл<асти> завед<овал> худ<ожественным> отд<елом> и в полит”отд<еле> РУжд до 1921 г. С 1921 г. профессор живописи в Сар<атовском> Худ<ожественном> Ин<ститу>т<е> до 1925 г., с 1925 г. до настоящего времени руководитель Худож<ественного> Сар<атовского> техникума».

Вероятно, «руководителем» Валентин Юстицкий назвал себя в творческом плане, т.к. числился преподавателем и короткое время – заведующим учебной часть техникума.

Единственный допрос в рамках первого уголовного дела Юстицкого, записанный рукой следователя, воспроизводится дословно, т.к. иногда непонятно, что Подтынков имел в виду:

«Мой отец был присяжным поверенным умер в 1912 году в г. Вильне, последний имел дом какой-то лес, вообщем какую-то собственность, которая мне не известна, но только помню, что когда отец умер, то мать переехала в небольшую квартиру и проживая в нужде, как видно это имущество было какое-то запутанное и в долгах. Имею двух родных сестер Марию и Нину[5], но где они находятся мне совершенно неизвестно, т.к. связи и переписки с ними не имею. Две мои двоюродные сестры Лидия Александровна и Кира Александровна Юстицкие теперь вышли замуж и фамилии по мужу не знаю которые ~~еще до рев<олюции>~~ в данное время проживают в Париже – Франция. С этими сестрами я совершенно не имею связи и не переписываюсь.

Из близких знакомых в г. Саратове имею Егорова Евгения Васильевича[6] – художника, знакомых же вообще по городу у меня очень много. При общении со знакомыми разговоров на антисоветские темы не было, но политические разговоры были, но вопросы касались исключительно идеологического порядка, связанные с искусством и против политики и мероприятий Соввласти я никогда не слышал и сам не вел, все это мной указывается про художественный техникумом.

В 1928 году зимой из г. Москвы приехал художник Яковлев Алексей, который оказался адм<инистративно>-высланным по линии ГПУ, но сам же он об этом не говорил, а потому у меня сложилось впечатление, что он выслан за хулиганство, после этого я с ним встречался раза два. В начале апреля м<есяца>ца с/г. он мне звонил по телефону на службу

---

[4] Червякова О.Н., Юстицкая Т.В. Новые материалы к биографии художника В.М. Юстицкого на основании документов из архивов Санкт-Петербурга, Гродно и Вильнюса // Открываем коллекции. XV Боголюбовские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. — Саратов, 2017. С. 196–206.

[5] Помимо Валентина, в семье было еще четверо детей: Мария (1896 г.р.), Борис (1897 г.р.), Нина (1903 г.р.) и самая младшая Варвара.

[6] Егоров Евгений Васильевич (1901, Саратов – 1942, Саратов) – ученик Валентина Юстицкого. С 1923 по 1933 г. преподавал в Саратовском художественном техникуме. Переехал в Дмитров, а затем в Москву. После начала войны эвакуировался обратно в Саратов.

и Сапожникову Алексею Алексеевичу[7], просил придти к нему в ГосИздат, где выдавал себя за зав<едующего> худ<ожественным> отд<елом> и предлагал нам большие работы по издательству плакаты каррикатуры и иллюстрации. После этого я с ним стал встречаться чаще, но работу не давал. В беседе с ним выяснилось, что он из Москвы выслан по 58 ст<атье> но за что так до сего времени и не сказал. Я рассчитываю, что мой арест связан со встречей с людьми с контр-революционным прошлым».

Из последней фразы следует, что обвиняемому не объяснили причину его ареста, рассчитывая, видимо, на то, что он сам даст показания о себе и своих знакомых. И Юстицкий упоминает на допросе художников Евгения Егорова, Алексея Сапожникова и Яковлева.

Несмотря на то что Яковлев находился в Саратове в ссылке, ОГПУ совершенно не контролировало его деятельность. Так, арестованный в 1933 г. художник Александр Скворцов обвинялся в том, что был якобы завербован Яковлевым в контрреволюционную организацию в 1930-м. Юстицкий называет Яковлева Алексеем, а более тесно общавшийся с ним Скворцов правильно – Леонидом.

Как записано в обвинительном заключении, «Скворцов и Яковлев разрабатывали методы вербовки и глубокой конспирации к.-р. организации, строя ее по принципу “цепочки”, при этом Скворцов получил от Яковлева установку на дальнейшее расширение к.-р. организации, с конкретными заданиями объединения в нее недовольных Соввластью, с тем, чтобы подготавливать кадры для активной борьбы с Соввластью»[8].

Чекисты хватились Яковлева только после показаний Скворцова, но было уже поздно. В марте 1933 г. из Саратова поступил запрос в столичный Транспортный отдел ОГПУ: «Принятыми мерами о Яковлеве нами добыты следующие сведения: Яковлев Леонид Дмитриевич, 1898 года рождения, по профессии художник, прибыл в Саратов из Москвы, дата приезда неизвестна. В 1930 году в г. Саратове работал в Крайисполкоме и затем в ОГИЗ’е[9]. До 1930 года адрес местожительства Яковлева в Саратове не установлен. <…> За время пребывания Яковлева в Саратове к нему из Москвы приезжала его жена и мать.

В настоящее время Яковлев Л.Д. по некоторым данным находится в Москве, куда выехал 30-го Января 1931 года.

ДТООГПУ Р.У.ж.д.[10] просит срочно установить в Москве указанного выше Яковлева и ориентировать нас о всех имеющихся материалах на него по Москве. Если же Яковлев по материалам наших органов в Москве не проходит, то просьба такового арестовать и спец. конвоем направить в Саратов»[11].

Запрос саратовских чекистов их московские коллеги проигнорировали. «Принятыми мерами Яковлев не установлен и ответа из Т<ранспортного> О<тдела> ОГПУ о результатах нашего запроса – не получено, почему Яковлева допросить, а также и привлечь по настоящему делу – не представилось возможным»[12], – говорится в обвинительном заключении по делу Скворцова и др.

Упомянутые Юстицким преподаватели художественного техникума Евгений Егоров и Алексей Сапожников не заинтересовали следственные органы. То, что Сапожников через несколько лет переехал в Москву, а Егоров – в Подмосковье, скорее всего, говорит о том, что атмосфера в учебном заведении становилась все более тяжелой, а больше работать в Саратове было попросту негде.

---

[7] Сапожников Алексей Алексеевич (1888, Пенза – 1954, Москва) – художник, с 1917 г. жил в Саратове, с 1925 по 1929 г. преподавал в Саратовском художественном техникуме. В 1932 г. переехал в Москву.

[8] Уголовное дело ОФ-15148 по обвинению художников Александра Скворцова, Виталия Гофмана, Ивана Щеглова, а также Константина Гаврилова, Андрея Попова и Нины Степановой-Скворцовой (окончено 29 апреля 1933 г.)

[9] Объединение государственных книжно-журнальных издательств.

[10] Дорожно-транспортный отдел ОГПУ Рязано-Уральской железной дороги.

[11] Уголовное дело ОФ-15148.

[12] Там же.

Допрос Юстицкого завершился 28 апреля, и на следующий день опер Подтынков прекратил дело против художника, поскольку «в процессе предварительного следствия факт преступности не был установлен». Тем же постановлением Валентин Юстицкий был освобожден из-под стражи.

Кратковременное пребывание в тюрьме никак не отразилось на официальном статусе художника. До 30 января 1935 г. он продолжал преподавать живопись в Саратовском государственном художественном техникуме. В том же году Валентин Юстицкий переехал в подмосковную Каширу и стал сотрудничать со столичными издательствами, пока в 1937 г. не был арестован и осужден по той же «антисоветской» статье 58-10, что и семь лет назад в Саратове.